

Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики

Коктыш К. Е.

В статье предпринимается попытка выделения множества когнитивных оснований социальной интеграции, порождаемых процессами становления структур межличностной кооперации сетевого типа, и построения на их основании когнитивных моделей восходящей и нисходящей социальной динамики, описывающих соответственно процессы вырастания сети в иерархию и, напротив, распада иерархии на коррупционированные сети.

Как известно, социальная сеть — это совокупность устойчивых межличностных связей, которые носят добровольный и, как правило, относительно симметричный характер, когда сумма асимметрий, т.е. различий в статусе, влиянии или обладаемых ресурсах внутри одной сети, не имеет своим следствием принудительное господство кого-либо внутри нее. Поэтому идеальный тип сети — сбалансированная совокупность горизонтальных связей, когда обмен разного рода ресурсов друг на друга, на чем, собственно, построено абсолютно любое социальное взаимодействие¹, происходит преимущественно в силу внутренних мотиваций участников, а не внешнего принуждения.

В этом плане сети четко противопоставляются иерархиям, поскольку в последних, напротив, как раз более существенен элемент принудительного соподчинения. В отличие от сетей, иерархии носят ярко выраженный вертикальный характер, который часто может принимать форму разного рода пирамидальных конструкций. В этом случае уместно говорить о внутренней несбалансированности социальной конструкции, когда различия в статусе, влиянии и обладании ресурсами между участниками объединения не сбалансированы и имеют следствием принудительное господство одних над другими. Ресурсный обмен тут имеет характер преимущественно отъема ресурсов вышестоящими у нижестоящих.

Можно выделить два типа иерархий. Первый из них существует уже в животном мире. Его можно назвать этологической иерархией. Последние очень

хорошо изучены специалистами по этологии (поведению) животных². Иерархии такого типа обычно представляют собой конструкцию, в рамках которой четко выделяются особи, которые осуществляют регулярное насилие над другими особями. Те, в свою очередь, подчиняются, из страха перед насилием. Этологические иерархии существуют и в человеческом мире, например, в тюрьмах, в казармах, в подростковых бандах.

Второй тип иерархии характерен для человеческих сообществ и не встречается у животных. Это — институциональные иерархии. Они также имеют ярко выраженный характер «пирамид» соподчинения. Однако грубое насилие в их рамках частично (но всегда не полностью, так как физическое насилие сохраняется) заменяется идеологией и культурой (т.е. системой представлений, ценностей и легитимных практик). В рамках институциональных иерархий всегда существует легитимность, т.е. вышестоящие не просто вынуждают нижестоящих подчиняться путем насилия и страха, но нижестоящие, в той или иной степени, добровольно соглашаются подчиняться. В связи с этим институциональные иерархии в чем-то начинают приближаться к сетям, так как возникает момент добровольности взаимодействия между властвующими и подвластными.

Однако существует различие между сетевыми и институционально-иерархическими структурами, которое никогда не преодолевается. Оно заключается в том, что сети всегда неформальны, тогда как институциональные иерархии всегда формальны.

Коктыш Кирилл Евгеньевич — доцент Кафедры политической теории МГИМО(У) МИД РФ, главный специалист Аналитического Центра при Правительстве РФ, член Совета АСПЭК (Ассоциация политических экспертов и консультантов), email: kirill.koktysh@gmail.com

В свою очередь, сети взаимодействуют с институтами. Институты, являясь совокупностями правил поведения (определение Д. Норта³), действительно, не могут обходиться без сетей. Продемонстрируем причину этого. Институты бывают двух типов — формальные и неформальные. Первые развиваются в иерархических организациях как правила поведения внутри них (т.е. они представляют собой тот способ, каким этологические иерархии исторически превращаются в институциональные). Вторые являются способом интерпретации формальных институтов в реальном поведении людей. Однако такие интерпретации должны опираться на какие-то неформальные социальные структуры. Последними выступают социальные сети. В этом плане институты являются различного рода конфигурациями социальных сетей.

Сети, как мы отмечали выше, носят ярко выраженный неформальный характер. Однако формальные институты постепенно развиваются на их основе по линии: конфигурация сетей — неформальный институт — формальный институт⁴. Ниже мы попробуем обратиться к анализу того, каким образом из разных конфигураций и особенностей сетей вырастают те или иные социальные институты. Для этого, прежде всего, подробнее рассмотрим понятие социальной интеграции, которая имеет сетевые механизмы.

Типы сетевой интеграции

Сеть является базовым способом самоорганизации любого социального организма, интегрируя своих участников на единых основаниях. Основания интеграции при этом могут быть вполне разнокачественными. Так, вполне можно говорить об интеграции сетей на уровне практик, когда участники сети, в силу необходимости внешнего либо внутреннего характера, вынуждены взаимодействовать друг с другом, но при этом могут исходить из разных ценностей и разных представлений о внешнем мире. Примером внешней вынужденности может служить армия, где этологическое насилие — первичный и главный способ превращения новобранцев в боеспособный личный состав; примером внутренней — взаимодействие продавца и покупателя, когда сделка купли-продажи совершается безотносительно к ценностям и мировоззрению каждой из сторон, но при этом может иметь следствием возникновение устойчивого симбиоза одного и второго.

В равной мере можно говорить об интеграции сетей на уровне ценностей, когда участники сети могут исходить из одинаковых представлений о добре и зле, о плохом и хорошем и о правильном и неправильном, но при этом сети могут как не иметь иной операциональной интеграции, кроме ситуативной, так и могут исходить из принципиально разных представлений о внешнем мире. Примером простейших ситуативных ценностно интегрированных сетей может быть общественная реакция на чье-либо явное девиантное поведение, например, реакция публики на случаи

уличного насилия, выражающаяся через осуждение, либо, скажем, положительная реакция общественности на мероприятия властей по благоустройству уличного и дворового пространства, которая отнюдь не обязана вести ни к пересмотру участниками сети своего отношения к власти, ни тем более к появлению у одобряющего массива неких практик кооперации.

Также можно говорить и об интеграции сетей на уровне онтологии, когда общим для участников сети будет являться их картина внешнего мира, но из этого не проистекает ни ценностная, ни операциональная интеграция. Примером последних могут быть студенческие сети первокурсников, когда общее для всех участников представление о ключевой роли знаний в жизни человека совсем еще не предполагает ни наличия у них общих ценностей, которые будут соответствовать скорее ценностям тех социальных страт, из которых происходят первокурсники, ни местных практик за пределами учебного процесса, который сам по себе эти практики может и не породить, как мы рассмотрели выше.

При этом сети могут расти и развиваться, прибавляя к своей базовой характеристике дополнительную: так, операциональная интеграция может порождать и ценностную и даже онтологическую, и примером тому — череда «солдатских императоров» в Древнем Риме; ценностная интеграция может порождать как совместные практики, так и общую онтологию, ярким примером чего являются российские народники XIX века; и онтологическая интеграция может порождать также как интеграцию на уровне ценностей, так и интеграцию на уровне совместных практик — наглядным примером чему может служить как научно-исследовательская деятельность, порождающая в итоге новый проект более или менее широкой реальности, от технической до социальной, и совместную деятельность по ее воплощению, так и деятельность любых религиозных движений и сект, претендующих на репрезентацию альтернативной легитимной модели мира. Кроме как расти, сети могут и деградировать, в процессе распада теряя в той либо иной степени один, два либо все три типа интеграции, но при этом демонстрируя и устойчивость в состоянии «полураспада», и потенциал регенерации в состоянии полного распада, — примером может служить судьба любого аристократического класса в эпоху революционных и особенно постреволюционных перемен.

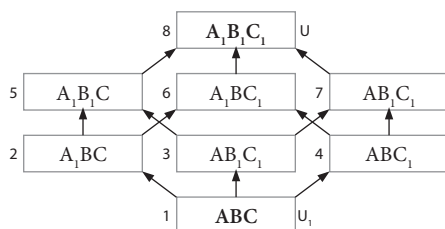
Видимым апогеем развития сети является вырастание на ее основе иерархии того либо иного типа. Иерархия, в отличие от сети, должна демонстрировать наличие как операциональной, так и ценностной и онтологической интеграции ее участников, иначе ее устойчивое функционирование попросту невозможно в течение сколь-нибудь длительного периода времени, в силу чего предпосылкой ее возникновения резонно считать достижение сетью всех трех уровней интеграции. При распаде иерархии, однако, этот принцип

срабатывает с существенным «замедлением» — социальный институт может длительное время существовать и после утраты им части интегрирующих оснований, например, в случае собственной маргинализации и перемещения на периферию актуальной социальной реальности или в случае ситуативного отсутствия в непосредственных границах его социального пространства более эффективной сложившейся альтернативы. В последнем случае самосохранение деградировавшего института явно будет прямо коррелировать с его способностью предотвращать вырастание конкурирующих альтернатив.

Моделирование восходящей динамики: от сети к иерархии

Таким образом, мы можем исходить из того, что интеграция сетей на уровне практик, на уровне ценностей и на уровне онтологии есть часть одного и того же процесса возникновения иерархии, когда она, обретая новые типы интеграции, тем самым проявляется в реальности, пошагово переходя из качества эссенции в состояние экзистенции. Операциональная, ценностная и мировоззренческая интеграция, соответственно, описывают разные качества одного и того же объекта, а именно — иерархии, а эти качества, в свою очередь, вполне соотносятся с категориями «формы» (операциональная интеграция), «содержания» (ценностная интеграция) и «меры» (онтологическая интеграция). Поскольку сети возникают не на пустом месте, а на основе уже существующих социальных сетей и, как минимум, неформальных иерархий (хотя бы тех же семейно-родственных), то процесс выростания сети мы можем описать как обретение каждым из типов интеграции нового, по сравнению с обретавшимся, качества.

Обозначив наличествовавшие уровни интеграции как A, B и C соответственно, а обретенные — как A1, B1 и C1, мы получим следующую принципиальную схему алгоритмов эволюции сетей, где U — изначальное «ядерное» состояние социального субъекта, когда новая иерархия и новые сети существуют исключительно в чистой потенции, а U1 — обретенное в ходе эволюции новое «ядерное» состояние, когда после сетевого периода эволюции возникает полноценная институализированная иерархия:

Легко обнаружить, что разные типы интеграции предполагают достаточно разные пути развития сетей. Так, интеграция на уровне практик (ниша 2), будучи простейшей интеграцией на уровне категории формы, сама по себе не предполагает никакой дальнейшей

эволюции, и может развиваться исключительно под влиянием внешнего воздействия — либо под влиянием структурной вынужденности, как в уже приводившемся примере с армией, когда практики порождают свою специфическую систему ценностей (путь 2–5) или свою специфическую онтологию (путь 2–6), либо под влиянием соображений выгоды, обусловленной внешней конъюнктурой, как в случае торговых сетей, когда торговые транзакции порождают свою систему ценностей и свою онтологию (2–5 либо 2–6).

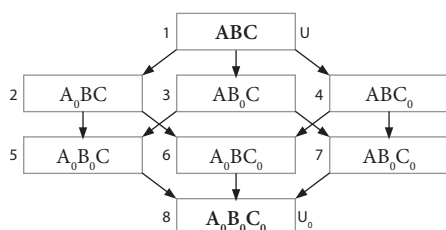
Эти соображения, впрочем, вполне могут и совмещаться. Можно предположить, что возникнувшие таким образом ценности и онтология будут по определению партикулярны, т.е. будут отображать в качестве значимых только специфические интересы участников сети, тогда как остальные социальные структуры будут восприниматься как «среда», и не будут оперировать моделью будущего как значимым концептом, поскольку «среда» воспринимается как константа. В нише 8, соответственно, мы получаем иерархию либо тимократического, либо меритократического типа. Ценностная интеграция (ниша 3), очевидно, возникает как результат осознанного выбора в пользу мимезиса, поскольку на этом этапе в распоряжении участника сети нет ни устойчивых практик, посредством которых новые ценности могли бы быть верифицированы как значимые, ни модели мира, альтернативной существующей, в рамках которой новые ценности были бы логичными и само собой разумеющимися. В силу этого ниша предполагает либо освоение на следующем этапе практик, которые бы позволили осознать целесообразность новых ценностей (путь 3–5), либо усвоение новой онтологии (путь 3–7), которая позволяла бы «объяснить» эти ценности как значимые.

Спецификой этого алгоритма эволюции сетей является критичность фактора веры — иных внутренних «скреп» у сети такого рода нет, и обретенные впоследствии практики и онтология в любом случае «надстраиваются» над ранее сформировавшимся и по сути ригидным по отношению к ним ценностным массивом. Тем не менее, возникнувшая таким образом онтология, в отличие от предыдущего случая, будет оперировать концептом будущего как значимым, однако этот концепт будет существовать как принципиально непостижимый разумом сакральный образ, тем или иным образом заимствованный извне. В нише 8, соответственно, мы будем иметь в качестве результата эволюции иерархию культурно-нормативного типа, одной из разновидностей которых является институт церкви. Онтологическая интеграция сети (ниша 4), напротив, предполагает наличие модели будущего как стартовой предпосылки дальнейшего развития — уже в соответствие с этой моделью возникают и соответствующие ценности (4–7), и специфические практики (4–6). В данном случае в нише 8 мы будем иметь иерархию культурно-когнитивного типа, которая, оперируя сгенерированным на рациональных основаниях

образом будущего, верифицирует его практиками и легитимирует проистекающими из его логики ценностями.

Моделирование нисходящей динамики: от иерархии к сети

Едва ли не больший интерес, впрочем, представляет и процесс распада иерархий, который, очевидно, будет происходить либо путем ее онтологической, либо ценностной, либо операциональной дезинтеграции. Этот процесс можно изобразить следующей схемой, где U — изначальное интегрированное состояние, U_0 — состояние полной дезинтеграции, а промежуточные ниши описывают логику загнивания иерархии, т.е. ее распада на соответствующие партикулярные сети:

Ниша 2, таким образом, будет описывать случай операциональной дезинтеграции, когда институт в силу тех либо иных причин перестает функционировать, в то время как сбой практик совершенно противоестественен как с мировоззренческой, так и ценностной точки участников выделившейся сети. Примером такого распада может служить уже приводившаяся в качестве примера судьба аристократического класса (не имеет значения, идет ли речь о родовой или номенклатурной аристократии) при революционных потрясениях. Операциональная дезинтеграция на следующем ходу порождает либо ценностную дезинтеграцию (путь 2–5), когда, по-прежнему воспринимая произошедшие изменения как нелогичные и временные, участники сети утрачивают веру в ценности и начинают искать способов капитализации сохранившегося капитала связей, т.е. попросту коррумпируются, либо онтологическую (путь 2–6) — когда те участники сети, которые либо в силу внутренних убеждений, либо в силу опасений реставрации прошлого порядка и возврата санкций сочли для себя коррупирование невозможным, теряют веру в саму возможность реставрации. При этом и путь коррупирования для них оказывается закрыт, поскольку уровень потенциальной капитализации сохраняющихся связей резко снижается за счет действий коррупировавшейся ранее всех ниши 2 — в результате ниша 6 может порождать лишь ценностные протесты против изменившейся реальности, которые, впрочем, могут быть вполне значимыми и вести к социальным потрясениям, как, например, это произошло в случае раскола и выделения старообразцев как отдельной страты общества.

Ниша 3 будет описывать случай ценностной дезинтеграции, когда иерархия загнивает в первую очередь

в силу накопления некоторой массы внутренних дисфункций, при этом еще не доходящей до критичной и не вполне заметной извне. Часть членов иерархии на этом этапе выделяется в коррупционную сеть, в рамках которой и капитализируются получаемые за счет пребывания в иерархии преимущества, что в итоге ведет либо к делегитимации самих практик, иерархией осуществляемой (3–5), либо к утере прежнего видения мира как логичного (3–7). При этом переход в нишу 3, в отличие от ниши 2, не обязательно имеет своим следствием распад собственно иерархии — вопрос тут явно будет сводиться к степени тотальности ценностного кризиса. В случае его локальности иерархия вполне может самовосстановиться за счет избавления от «отщепенцев».

Ниша 4 описывает случай онтологической дезинтеграции, когда видение модели мира становится плюралистичным в рамках самой иерархии, и смысл ее существования подвергается сомнению изнутри — в то время как и с ценностной, и с операциональной интеграцией все остается на приемлемом уровне. Как и в предыдущем случае, жизнеспособность самой иерархии будет зависеть от масштабов дезинтеграции: в «коррупционную» нишу 7, когда ценности становятся предметом торга, может переместиться как иерархия в целом, так и «группа отщепенцев». Перемещение же в нишу 6 будет описывать случай, когда к онтологической дезинтеграции добавляется дезинтеграция операциональная — когда свои приобретают не характер случайностей, а характер быстро развивающейся и непоправимой катастрофы — для иерархии в целом либо для изъятой из ее состава таким образом загнившей сети.

Ресурсные основания сетевой динамики

Описанные выше принципы эволюции и деградации социальных сетей, разумеется, реализуются не сами по себе, а в силу наличия либо дефицита ресурса, который и обеспечивает собственно развитие. Иными словами, сети возможны только в силу того, что они выступают как механизм привилегированного, по сравнению с внешним пространством, перераспределения капитала между участниками сети, в роли которого может выступать как собственно экономический капитал, так и его надстроечные социальные формы в виде капитала власти, капитала престижа, капитала знаний, капитала культуры и т.д. П.Бурдьё выделял порядка 60 форм социального капитала, так или иначе задействованных в системах ценностей⁵.

При более общей видовой классификации эти формы находящегося в обороте капитала можно свести к трем основным группам, которые, собственно, и структурируют три типа сетей и иерархий:

1. капитал экономический или меритократический;
2. капитал властный
3. капитал культурно-когнитивный или капитал престижа.

Очевидно, что эти типы капиталов присутствуют, хотя и в разной степени, в системах ценностей всех социальных сетей и иерархий, иначе нам пришлось бы отрицать как возможность пребывания общества в состоянии некоего органического единства, так и способность социального капитала к конвертации, с повышающим либо понижающим коэффициентом, из одной формы в другую. Между тем, как показывает опыт, обладание властным капиталом позволяет управлять, вплоть до полного овладения, капиталом экономическим и существенно влиять на капитал культурный; капитал экономический открывает пути для приобретения капитала властного и воздействия на капитал культурный; а последний, в свою очередь, может быть преобразован в капитал властный или экономический.

Тем не менее, относительная значимость капиталов в рамках разных социальных сетей и иерархий совершенно неодинакова: очевидно, тот же капитал власти будет иметь разную значимость и довольно разный «курс конвертации» в другие капиталы внутри собственно властной сети и внутри параллельных, культурно-когнитивных и меритократических сетей. Очевидно, что сам факт наличия некоего капитала в системе ценностей отнюдь не предполагает неизменности его роли и удельного веса, т.е. стабильности «курса обмена» его на другие виды капиталов. Курс взаимной конвертации капиталов внутри социальных сетей и иерархий, очевидно, является предметом внутренней политической борьбы внутри сетей в период их развития и результатом таковой — внутри выросших на основе сетей иерархий.

Политическая же борьба в любом случае приводит к складыванию одной из следующих трех базовых структур систем ценностей, описывающих принципы удельного веса капиталов друг относительно друга, где Э — экономический капитал, В — капитал власти, и К — капитал культурно-когнитивный:

I	II	III
Э	В	К
В К	Э К	В Э
К В	К Э	Э В

Как мы видим, три выделенных типа социального капитала — экономический (Э), властный (В) и культурный (К) — образуют шесть возможных комбинаций, или шесть особых систем ценностей, отличающихся друг от друга относительной значимостью этих капиталов. Классифицируя их по критерию главного, т.е. первичного для данной системы, капитала, мы получим две меритократические системы ценностей (ЭВК и ЭКВ), две властные (ВЭК и ВКЭ) и две культурно-когнитивные (КВЭ и КЭВ). Понятно, что названные системы ценностей и служат для определения легитимной лидерской позиции в социальных сетях и иерархиях меритократического, властного и

культурно-когнитивного типов, причем вторичные капиталы осмысливаются и как атрибуты обладания первичным, и как средство приблизиться к овладению им. Так, приобретение культурного и властного капиталов в сети либо иерархии меритократического типа имеет целью конвертацию их в экономическую выгоду; наличие экономического и культурного капиталов в сети либо иерархии властного типа используется для получения и максимизации капитала власти; властный и экономический капиталы в сети либо иерархии культурно-когнитивного типа применяются как для обеспечения культурно-когнитивного производства новых смыслов, так и для воспроизводства существующих в качестве единственно легитимных.

Конвертация капиталов происходит циклично, как в классическом экономическом цикле «товар — деньги — товар». Иначе говоря, достижение цели является не только венцом усилий, но и началом нового витка, и речь идет преимущественно о том, обретение какого капитала считается валидным результатом, а какого — промежуточным этапом. Иными словами, капитал, являющийся целью в рамках одной системы ценностей, выступает как средство в другой. При этом соотношение капиталов на второй и третьей позиции представляется весьма значимым, поскольку описывает собственно сетевое либо иерархическое состояние соответствующей меритократической, властной либо культурно-когнитивной структуры.

Сеть предполагает наличие возможности экстенсивного развития, когда нормы и правила относительно гибки и пластичны и могут быть, в известных пределах, легко трансформированы в соответствие с прагматической необходимостью, тогда как иерархия предполагает по природе своей ригидность правил и процедурную интеграцию своих членов, и, блокируя возможности развития «вширь», обуславливает интенсивный тип развития. Так, в системе ценностей меритократических сетей наличие на втором по ценности месте капитала власти обусловлено в первую очередь средовой возможностью для расширения и экспансии, которая может быть осуществлена в прямом смысле слова «на штыках», как это было в случае Ост-Индской кампании, либо путем коррумпирования местной властной верхушки и сращивания с ней. Когда же возможности экстенсивного развития оказываются исчерпанными, возникает необходимость «фиксации прибыли» и нормативного закрепления на завоеванных позициях — тогда второе место занимает культурно-когнитивный капитал, а сеть трансформируется в иерархию со своим достаточно устойчивым нормативным сводом корпоративных правил.

В системе ценностей сетей властного типа на втором месте находится экономический капитал, за счет которого собственно и обеспечивается задача захвата власти — от финансирования военного мероприятия до подкупа избирателей и до проведения эффективной предвыборной кампании. В ситуации же, когда

■ Научные школы МГИМО

задача выполнена, сеть трансформируется иерархию, а в системе ценностей на второе место перемещается культурно-когнитивный капитал, с помощью которого вновь возникнувшая иерархия позиционирует себя как лучшую из лучших, если не как единственную из возможных альтернатив.

В системе ценностей сетей культурно-когнитивного типа, которые исторически представлены религиозными сектами (до превращения их в институт церкви), университетскими сообществами, гильдиями художников и т.д. на втором месте находится властный капитал — именно опора на власть, стабильно генерирующую запрос на свою легитимацию, оказывается наиболее перспективной для институционализации сети в иерархию. При этом контркультура, андеграунд, является не чем иным как ориентацией на альтернативную власть, на оппонирующие правящим социальные сети контрэлиты. После же превращения сети в иерархию, а ее культурно-когнитивного капитала — в капитал легитимный и в известной степени сакральный, на втором месте оказывается экономический капитал, поскольку речь уже идет не о производстве новых смыслов, а о качественном закреплении уже произведенных, т.е. об их капитализации.

Таким образом, мы получаем три типа социальных сетей, каждый из которых имеет свой куст сценариев развития и распада и свою логику превращения в иерархию, выражающуюся через постулирование изначально максимально гибкой системы ценностей в ригидный и слабо поддающийся интерпретации нормативный свод. При этом критично, что иерархия возникает как бы «поверх» сети, надстраивая ее, но никоим образом не деструктурируя — иными словами, любая иерархия имеет как минимум два механизма принятия решений, формальный, предопределенный

правилами иерархии, и неформальными, сетевыми, базирующегося на прежде выстроенных сетевых связях. При этом эти механизмы исходят из вполне взаимоотрицающих ценностных установок — сеть ориентирована на результат, тогда как иерархия — на процесс, т.е. на процедуру.

Даже если предположить, что формальный механизм принятия решений изначально выстраивался в полном соответствии с неформальными правилами сети, вступление этих двух механизмов в конфликт все равно оказывается практически запрограммированным этой структурной разницей ценностно-целевых установок. Логичным будет предположить, что этот конфликт снимается либо переносом центра принятия решений в сетевую структуру, когда на долю иерархии приходится публичная легитимация уже принятых в сети решений, либо путем поглощения сети иерархией. Первый сценарий будет описывать появление ценностно интегрированной системы, когда правила игры будут явно либо неявно постоянно пересматриваться, второй — процедурно интегрированной системы, когда правила игры доминируют даже в ущерб сиюминутной прагматике, а их пересмотр возможен только посредством достаточно сложной для всех участников процесса процедуры.

Summary: In the article “The Cognitive integrators: an Experience of the Modeling of Social Dynamics” author attempts to allocate the cognitive mechanisms of social integration that are formed as a result of emergence of the social networks, and their further growth unto the hierarchies. These mechanisms, in their turn, are underlain in the presented model of ascending and descending social dynamics, which explains the processes of rise, corruption and decline of the social structures of various types.

Ключевые слова

иерархии, сети, социальная интеграция и интеграторы различного типа, этологический, ценностный и онтологический типы социальной интеграции, социальная динамика

Keywords

hierarchies, networks, social integration and integrators of various types, ethological, axiological and ontological types of social integration, modeling of social dynamic

Примечания

1. Разработке ресурсной парадигмы социальных транзакций в изрядной степени уделяется внимание в классических трудах А. Этциони (Etzioni A. A comparative analysis of complex organizations: an power, involvement, and their correlates. N.Y., 1975), П. Бурдые (П. Бурдые. Практический смысл/ Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. — Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001, П. Бурдые. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. — Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. В 2-х т.2001.) и Р. Патнэма (R. D. Putnam. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y., 2000.). Прим. авт.
2. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). — М.: Проспект, 1994.
3. Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д.С. Норт. — М., 1997.
4. См. подробнее Сергеев В.М. Демократия как процесс переговоров/ В.М. Сергеев. — М., МОНФ, 1999.
5. П. Бурдые. Практический смысл/ Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. — Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001